

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-1-68-77

УДК 94

Содержание статьи

Информация о статье

Д. Ш. Муфтахутдинова¹

Введение
Татары как «мобилизованная
диаспора»
Мусульманский прозелитизм в
Казахской Степи
Православный прозелитизм в
Казахской Степи
Заключение

Поступила в редакцию: 07.02.2025
Передана на рецензию: 14.02.2025
Получена рецензия: 07.03.2025
Принята в номер: 25.03.2025

Религиозное противостояние в Казахской Степи во второй половине XIX века

Российский исламский институт; dilaratatar@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность татар-мусульман в качестве «мобилизованной диаспоры», которая распространяла татарскую мусульманскую культуру в Казахской степи и противостояла политике христианизации, проводимой православной церковью. В основе методологии исследования данной проблемы лежит теория «мобилизованной диаспоры» Джона Армстронга. С использованием документов из Центрального архива Республики Казахстан раскрывается культуртрегерская деятельность татарских торговцев и мулл в Казахской Степи, их тактика в деле распространения мусульманской культуры, которую старались перенять православные миссионеры с целью интеграции колонизируемой территории в общероссийское политико-правовое пространство. Рассматривается религиозная конкуренция представителей православной и мусульманской конфессии по поводу внедрения своих культур в Казахской степи.

Ключевые слова: развозная меновая торговля, мелкие торговцы, ислам, христианизация, татары, казахи.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-1-68-77

UDC 94

Content of the article

Information about the article

Д. Ш. Muftakhutdinova²

Introduction.
Tatars as a “mobilized diaspora”.
Muslim proselytism in the Kazakh
Steppe.
Orthodox proselytism in the Kazakh
steppe.
Conclusion.

Received: 07.02.2025
Submitted for review: 14.02.2025
Review received: 07.03.2025
Accepted for publication: 25.03.2025

¹ *Дилара Шамилевна Муфтахутдинова* – доцент Российского исламского института, кандидат исторических наук.

² *Dilara Shamilevna Muftakhutdinova* – Cand. Sc. (History), associate professor at the Russian Islamic Institute.

Religious Confrontation in the Kazakh Steppe in the Second Half of the 19th Century

Russian Islamic Institute; dilaratatar@mail.ru

Abstract. The article reveals the activities of Muslim Tatars as a “mobilized diaspora” that spread Tatar Muslim culture in the Kazakh steppe and opposed the policy of Christianization pursued by the Orthodox Church. The methodology of the study is based on the theory of “mobilized diaspora” by J. Armstrong. Basing on the documents from the Central Archive of the Republic of Kazakhstan, the authors reveal the cultural and managerial activities of Tatar merchants and mullahs in the Kazakh steppe, as well as their tactics in spreading Muslim culture, which Orthodox missionaries tried to adopt in order to integrate the colonized territory into the national Russian political and legal space. The religious competition between representatives of the Orthodox and Muslim faiths over the introduction of their cultures in the Kazakh Steppe is examined.

Keywords: barter trade, small traders, Islam, Christianization, Tatars, Kazakhs.

Введение

С 30-х годов XVIII в. интеграция в общероссийское пространство казахов Младшего и Среднего жузов была задумана российской властью с помощью всех социальных страт татар Поволжья и Приуралья. В статье исследуется деятельность мелких торговцев из числа татар-мусульман и представителей мусульманского духовенства. Обращение к стратам татар Поволжья и Приуралья связано с их активной деятельностью в отстаивании и распространении татарской мусульманской бытовой и духовной культуры в Казахской степи, которую Российское государство сначала поощряло, а с 50-х годов XIX в. начало с ней активно бороться. Объектом исследования являются межэтнические и межконфессиональные отношения в Казахской Степи во 2-й половине XIX в., предметом – религиозное соперничество представителей православной и мусульманской конфессии. Речь пойдет о географической территории казахов Старшего и Младшего жузов и Букеевской Орды. Как известно, казахи Старшего жуза вошли в состав России во 2-й половине XIX в. и в культурном плане были больше под воздействием сартов.

Ценными исследованиями деятельности татарских торговцев в Степи являются работы Г. Колмогорова, А. В. Васильева, А. К. Гейнса 2-й половины XIX века. Особо информативным является очерк Колмогорова Г. «О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства» (1855), в котором дается подробная характеристика меновой торговли, проводимой татарскими предпринимателями в Степи.

В советской историографии по данной теме выделяются исследования Г. С. Губайдуллина и Г. А. Михалевой. В работах Г. С. Губайдуллина «Из прошлого татар» и «Из истории торгового класса приволжских татар» социальное происхождение купеческого сословия определяется служилыми татарами, а их деятельность рассматривается с точки зрения «торгового капитализма». В работе Г. А. Михалевой «Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)» анализируется роль татарских купцов в торговле со Средней Азией, их многогранная деятельность в этом регионе.

В постсоветской историографии различные аспекты участия татар в торговле и предпринимательстве, а также благотворительной и общественно-реформаторской деятельности в городах Степного края излагаются в работах В. Г. Галиева, Р. Р. Салихова, Э. М. Гибадуллиной, З. А. Махмутова, Н. И. Таирова, В. Н. Шкунова, И. С. Игдавлетова, Б. И. Измайлова, С. А. Аникина, К. Ж. Абилова, Л. М. Свердловой, Д. Н. Денисова, Г. Н. Тухватуллиной, К. Ноак и др. Однако в их трудах не затрагивается

вопрос о роли мелких татарских торговцев и представителей татарского духовенства, участвующих в меновой торговле в Казахской степи, как культуртрегеров татарской мусульманской культуры.

Татары как «мобилизованная диаспора»

Основу нашей работы составили теоретические подходы профессора Висконсинского университета Джона Армстронга, который в своих трудах выделил два типа диаспор: «пролетарскую» и «мобилизованную» [1]. Первую он считает продуктом трудовой миграции. Она состоит из низких социальных слоёв, не способных адаптироваться в принимающем социуме. «Мобилизованная диаспора» характеризуется длительным периодом становления и адаптации в принимающей стороне, хорошей интегрированностью в ее общественно-политическую структуру. По мнению Дж. Армстронга, этим качествам соответствовали татары в Казахской Степи. Ещё одним отличительным признаком этой диаспоры, по Дж. Армстронгу, является её дисперсное проживание на всех территориях принимающей стороны, где она составляет незначительное меньшинство населения [1, с. 393]. Он же подмечает, что на момент присоединения новых территорий государство-метрополия нуждается в «мобилизованных диаспорах», она их сама же и создает [1, с. 400].

Описывать татарскую диаспору в Казахской степи сквозь призму «мобилизованной диаспоры» предложил и профессор Омского государственного университета А. В. Ремнёв [17]. Он отмечает, что с конца XVIII века ислам стал использоваться властями по отношению к казахам как вспомогательный механизм в «цивилизационной миссии», ибо в традициях европейского просвещения цивилизованными народами признавались лишь оседлые мусульмане. Эта «цивилизаторская миссия» налагалась на татар Поволжья, Приуралья и Сибири. Выбор именно этого народа, по словам А. Каппелера, определялся их давней хозяйственной, политической и культурной посреднической деятельностью между Россией и Средней Азией [7, с. 132].

Татары к концу XIX века составляли более половины населения городов в Степном крае, значительно опережая русских и тем более казахов, так как кочевники не жили в городах. По данным Всероссийской переписи 1897 г. доля горожан среди татар составляла в Семиреченской области 51 %, в Сырдарьинской области – 84 % (для сравнения: в Акмолинской области – 81,6 %, в Семипалатинской – 80,3 %, в Тургайской – 64,5 %, и в Уральской – 32 %) [13, с. 222]. Но Российская империя ограничивала их переселение в сельскую местность, очерчивая и сокращая границы их культурного влияния. В планах имперских властей казахи после перехода к оседлости должны были стать православными.

И действительно, татары стали своеобразными посредниками и проводниками имперской политики аккультурации в Степи, они привлекались к торгово-посреднической деятельности империи на Востоке, к изучению Казахской степи, к участию в образовательной и религиозной деятельности. Дж. Армстронг отмечает, что метрополия легко может и отказаться от услуг «мобилизованной диаспоры», сделав из неё объект утрашения и поругания. Это происходит тогда, когда доминирующий имперский народ и власть мобилизуются для внедрения именно своей культуры [1, с. 405]. В середине XIX века татары-мусульмане превратились в политических и идейных соперников господствующих элит. Для имперской власти большую опасность представляло соединение национальной и религиозной идентичности близкородственных народов, которое могло в дальнейшем привести к образованию политических наций.

Мусульманский прозелитизм в Казахской Степи

Развитию стационарной формы торговли мешали низкая покупательская способность казахского населения, живущего в степи, натуральное производство и отсутствие денежного обращения. Поэтому в Степи процветала меновая торговля, в которой были задействованы приказчики купцов всех трех гильдий, скупщики, крестьяне-коробейники, представители мусульманского духовенства, чола-казахи,³ многочисленные крестьяне, распродают товары, оставшиеся после ярмарок или стационарной торговли. Эти товары реализовывались с телег, кибиток (отсюда, скорее всего, происходит татарское слово *кибет* – «магазин»), юрт, с коробов и мешков.

Мелкие татарские торговцы, имея разрешение на коммерческую деятельность, беспрепятственно передвигались по Казахской степи и, продавая свои товары, могли заниматься мусульманским прозелитизмом. Так тургайский миссионер Оренбургской епархии Ф. Соколов сообщал, что он повсюду встречал татар «то с маленькими коробочками мелочного товара, то в виде портных, то под видом собирания долгов с киргизов. Словом, татары, как несносные клопы, назойливо наводняют собою степь под разными законными предлогами, разливая свой яд фанатизма мусульманского и неприязни ко всему русскому между простыми не фанатичными еще кочевниками-киргизами» [19, с. 51].

Указом от 31 августа 1826 г. «О запрещении магометанскому духовенству заниматься торговыми промыслами без записки в установленные разряды» правительство пыталось ограничить влияние татарского духовенства на нерусские народы Российской империи [15, с. 1099]. Но этот закон не действовал в Степи. Живя среди казахов, муллы продавали дешёвые религиозные брошюры, обереги, различные лекарства. Православные миссионеры были очень встревожены этими фактами. Преподаватель противомусульманского отделения Казанской духовной академии М. А. Машанов писал: «...татарская пропаганда ислама идет быстрыми темпами через массовое распространение среди киргизов татарами татарских религиозных книг, вместе с книгами влияние распространяется и через устные беседы. Помимо того, что татары в лавках и на улице при случае ведут религиозные беседы с киргизами, они выезжают с товаром прямо в степь, где уже и стараются обнаружить всю свою мудрость и знания перед киргизами, имея в виду через это больше, нежели продажей товара» [10, с. 87]. Надо отметить, что татары были почти поголовно грамотными.

С конца 40-х годов клерикальные чиновники и православные миссионеры выступили против распространения татарских печатных книг и Корана. Под напором казанских миссионеров, в частности протоиерея И. Орлова, Святейшим синодом с 1846 по 1849 г. был наложен запрет на печатание Корана и других богослужебных книг мусульман. Лишь после вмешательства профессора А. К. Казем-Бека при поддержке министра просвещения графа С. С. Уварова этот дискриминационный закон был отменен [14, с. 173].

Несмотря на то, что получить разрешение на открытие типографии было сложно, татарская религиозная литература выпускалась с большим энтузиазмом как татарскими, так и русскими типографиями. «В типографии Л. Шевица в 1841–1842 гг. по заказам татар было напечатано до 20 тыс. экз. Корана, в 1842–1843 гг. – около 200 тыс. экз. В типографии Р. Сагитова в 1844–1848 гг. вышло 45 500 экз. мусульманских книг, в числе которых – полный Коран, его седьмая часть, «Ясин-Шариф» и др.» [3].

Православных миссионеров настораживала большая доступность и малая цена татарской мусульманской литературы: «Эта последняя книжка (“Ясин-Шариф”. – Д. М.) продается по 2 коп. за экземпляр. Есть книги, которые продаются даже по 1/4 коп.

³ Чола-казахи – дети, рожденные от татарина и казашки или казаха и татарки.

за экземпляра, – и это посреди христианских поселений, безграмотных и темных» [11]. Как отмечает Г. Г. Габдельганеева, во второй половине XIX века печатание религиозной мусульманской литературы продолжалось, а в 80–90-е годы тиражами до 100 тыс. экз. издавался сборник сур и аятов из Корана «Хафтияк» книгопродавцами Ф. Катеевым (1888), М. Кадыровым (1897) и Ш. Хусаиновым (1897); в количестве 10, 20 и более тыс. экз. печатались молитвы, оракулы, шамаили и т. п. [3]. И вся эта литература распространялась и в Степном крае.

Под влиянием татарской культуры, в которой был очень развит жанр баитов и мунаджатов, казахи стали публиковать свои дастаны и киссы по религиозной тематике в татарских типографиях. Наиболее известными, многократно переизданными произведениями были: «Кисса-и Тимидар», «Кисса-и Жум-жума», «Кухаммед – Ханафия», «Кисса-и Сейд Баттал», «Кисса-и хазрет-и Гусман», «Кисса-и уакига Кербела», «Мархаба шахар Рамазан». На казахский язык был переведен с татарского и древнейший татарский дастан «Кисек баш китабы». Поначалу дастанов было немного, но к началу XX века их количество значительно выросло. Одной из причин этого, по мнению Г. М. Раздыковой, явилось «...резкое усиление мусульманской пропаганды в крае, развернувшейся в противовес миссионерской пропаганде православного христианства, также стремившегося завоевать определенные позиции среди казахского народа». Также это произошло «вследствие проникновения в Казахстан огромного количества духовной мусульманской литературы, а также расширения сферы влияния татарских и среднеазиатских мулл» [16, с. 98–99].

В 1866 г. Ш. Хусаиновым в типографии Казанского императорского университета был издан казахский дастан «Кыйсса-и Таминдар», ставший первой книгой, изданной на казахском языке арабской графикой типографским способом. Эта книга до революции выдержала 5 изданий (1882, 1895, 1896, 1906, 1913). Казахский народный эпос выпускали и другие казанские книгоиздатели: Ф. Амашев, Ф. Катеев, Х. Шамсутдинов. Ими были изданы: «Кыйсса-и Козы-Корпеш» (6 раз), «Кыйсса-и Таһир» (5 раз), «Кыйсса-и Заркум» (12 раз), «Кыйсса-и Саедбаттал» (5 раз), «Кыйсса-и Кыз Жебек» (13 раз), «Кыйсса Алман Шолпан» и др. [8, с. 176].

Одной из форм татарского мусульманского прозелитизма, как отмечают миссионеры, было лечение больных молитвами. Сильное воздействие на казахов оказывали так называемые «куразы» – уважаемые пожилые ишаны и муллы, которые использовали аяты из Корана для излечения различных недугов. От обратившихся к их помощи людей они просили искренней веры в силу Аллаха, так как лишь уверовав можно было получить помощь от Всевышнего. Куразы отмечали, что если бы Коран был написан человеком, то он не оказывал бы лечебного воздействия на людей, следовательно, Коран имеет божественное происхождение [5].

Причиной активного татарского прозелитизма в Казахской степи была этническая солидарность казахов. В 70-х годах XIX в. наметилась тенденция построения русского национального государства. Казахи наряду с переходом к земледелию и седентаризации должны были принять христианство. Для этого власть организовала 15 миссионерских станом и открыла 17 русско-казахских школ. Но пропаганда православия активно сдерживалась татарским мусульманским прозелитизмом. Кроме того, Казахская степь была главным потребителем татарской национальной промышленности, и терять этот рынок татары не собирались.

Главной причиной провала православной пропаганды в Казахской степи миссионеры считали влияние мусульманских мактабов и медресе [8, с. 83–84], через которые проходило все татарское население, а также языковую, религиозную и культурную родственность татар и казахов. Это подтверждает и высказывание священника Д. Григорьева: «...трудно, кажется, найти магометанина, который отказался бы от беседы на религиозную тему и замаял бы беседу, ссылаясь на

незнание... Нет у них официальных, получающих по две тысячи в год миссионеров, нет у них риторических образцов увещаний, нет и обширных руководств по миссионерскому делу; но есть у них одна великая сила – это народная масса, прошедшая школу, считающая общим долгом дело распространения веры, этой-то силе и обязано магометанство быстрым и успешным привлечением к себе других мелких инородцев» [6, с. 89].

Православный прозелитизм в Казахской Степи

Опытом татарского прозелитизма в Казахской Степи спешили воспользоваться власть и православные миссионеры, о чем свидетельствует переписка епископа Тобольского и Сибирского Авраамия с генерал-губернатором бароном М.А. Таубе. В письме епископа об открытии киргизской миссии в Акмолинской области выражаются опасения по поводу казахов, «зараженных исламом, потому что своевременно не было принято мер к распространению Христовой веры среди сего народа». Казахи «находятся в переходном нравственно-религиозном состоянии: они отстали от ламства, но не пристали в массе к исламу; родовой быт их расшатан» [21]. Епископ считает, что настало самое подходящее время для христианизации казахов. Возможно, в целях безопасности миссионеров Авраамий оговаривает в письме, что они не будут уходить вглубь степей, а если и уйдут, то не более чем на 100 верст от пограничной линии. Пропаганду православия он предлагает проецировать на казахов-бедняков (джатаков) [21].

Ответ генерал-губернатора барона М. А. Таубе епископу Тобольскому и Сибирскому Авраамии датирован 27 февраля 1890 г. В письме он высказывает своё мнение о компетенциях, которыми следует обладать миссионеру, работающему в Степи. Миссионер должен «обязательно владеть киргизским языком в совершенстве, знать персидский и арабский языки, изучить основательно ал-Коран и все толкования его, а также магометанские богослужебные книги, обладать некоторыми медицинскими познаниями, достаточными для оказания первой врачебной помощи болеющим киргизам, и в пище, одежде и своим образом жизни не отличаться от простых киргизов» [22].

М. Таубе, в отличие от Авраамия, предлагал не ограничиваться в миссионерской деятельности в степи только приграничной зоной и применить тактику мелких татарских торговцев: «По моему мнению, они должны переходить из аула в аул под видом лекарей или путешествующих торговцев, не обнаруживая своего звания, дабы не погубить святого дела в самом начале. Продавая товары не с целью наживы, миссионеры могут оказывать помощь бедным людям, при этом не требуя вознаграждения за лекарства, они скоро приобретут симпатию населения и найдут удобный случай для проповеди Евангельского учения не только у джатаков. ...При этом миссионеры должны вести меновую торговлю вещами, употребляемыми в домашнем обиходе киргизами исключительно с целью легчайшего и удобнейшего передвижения по степи». Губернатор не видит перспективы крещения джатаков, «у которых христианство <...> никогда не приобретет полезных для себя adeptов». Он хорошо понимал, что джатаки будут принимать христианство лишь ради льгот и привилегий. Генерал-губернатор выражает надежду на то, что «приближаясь, таким образом, по внешнему виду к типу мусульманских мулл и вжившись с повседневной жизнью киргизов, миссионеры по примеру Святых апостолов в первые годы проповеди христианства на земле, умело выбранными библейскими бесхитростными рассказами на родном языке кочевников легче всего найдут доступ к их сердцам» [22].

В 50–70-е гг. XIX в. государственная система России стала терять надэтнический характер, становясь все более русской. Опасаясь усиления исламской идентичности

среди казахов, власть стала ограничивать влияние татарских мулл в Казахской степи. Ментальное, языковое и религиозное родство казахов и татар вызывало опасения «татаризации восточных окраин» [4]. Военный министр Д. А. Милютин приказал начальникам военных гарнизонов, граничащих с киргиз-кайсацкой степью, «выплачивать кочевникам по три рубля за каждого пойманного ими проповедника ислама из Казани» [9, с. 371]. М. А. Терентьев по этому поводу писал: «В пятидесятых годах нашего века до Оренбурга дошел слух, что среди наших киргизов ведется сильная пропаганда мусульманства муллами. Коменданту форта № 1 предписано было ловить этих мулл по аулам и задавать им острастку. Комендант объявил киргизам, что за каждого представленного к нему мулле он будет платить по 3 рубля – началась охота, и киргизы пригнали к коменданту целый табун мулл. Теперь ловля мулл хотя и не практикуется, но официальное распоряжение об этом не отменено, и поэтому все дело зависит от взгляда уездного начальника: явится какой-нибудь мулла, и киргизам снова откроется источник дохода» [20, с. 139].

Доподлинно неизвестно, сколько татарских мулл было поймано, но офицеры приграничных гарнизонов данное мероприятие превратили для себя в выгодный бизнес. Узнав об этом, генерал-губернатор К. П. Кауфман приказал пресечь подобную практику [12, с. 66].

Изменение этноконфессиональной политики в Казахской степи нашло отражение во «Временном положении об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» от 21 октября 1868 г. [2, с. 323–340]. В соответствии с параграфом 251 казахи больше не подчинялись Оренбургскому муфтиату, но татарское и башкирское население в Степном крае оставалось под его юрисдикцией. Как объяснил впоследствии один из чиновников Департамента духовных дел иностранных исповеданий С. Рыбаков, «изъятие это допущено в политических целях, дабы ослабить мусульманскую пропаганду в степи, помешать усилению среди киргизов мусульманства» [18, с. 7].

Заключение

С 50-х годов XIX в. российская власть акцентировала внимание на строительстве русского национального государства, что отразилось на политике правительства в отношении национальных окраин. Казахи стали испытывать интенсивное политическое, экономическое, социальное, культурное и иное влияние со стороны имперской власти, а татарские духовные лица в ряде случаев были подвергнуты депортации. На смену «доктрине ограниченной веротерпимости», которая допускала исповедование ислама, но препятствовала его распространению и укреплению, пришел новый проект – проект борьбы с татарским мусульманским прозелитизмом. «С позиций эволюционизма ислам теперь представал тупиковым направлением: ему было отказано в наличии цивилизующих начал, в идеологических обоснованиях имперских экспертов он уже определялся как сила, препятствовавшая интеграции казахов в империю» [17, с. 9].

Татар постоянно подозревали в мусульманском «фанатизме», недостаточной преданности империи и настраивании казахов против российской власти. Профессор противомусульманского отделения Казанской духовной академии М. А. Машанов писал: «...эти школы (кибиточные школы, организованные татарскими муллами в Степи. – Д. Ш.) преследуют одну цель – татаризацию киргизского края: во всех их дети, руководимые фанатичными муллами, воспитываются в строгом духе ислама, в ненависти к христианам и вообще ко всему немусульманскому; киргизы, поступая в татарские школы с покрытыми волосами головами, начинают брить головы, носить тубетейки и пр.» [10, с. 84]. Но главная причина борьбы с татарским культурным

влиянием состояла в том, что стал продвигаться проект построения национального государства, связывающий идею единства государственности с русскостью и православием. В 50–70-е годы XIX в. метрополия старалась отказаться от услуг татарской «мобилизованной диаспоры», сделав её объектом устрашения и поругания. Тем не менее тесные связи между казахами и татарами укрепляли российскую финансовую систему, способствовали формированию ресурсов, направляемых на социально-экономическое и духовное развитие общества, сплачивали и развивали межэтнические контакты, способствовали взаимовлиянию культур. Наличие контркультуры в лице татар-мусульман не позволило обратить казахов в православие.

Литература

1. Armstrong, J. Mobilized and Proletarian Diasporas / J. Armstrong // The American Political Science Review. 1976. Vol. 70, no. 2. – Pp. 393–408
2. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 21 октября 1868 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. – С. 323–340.
3. Габдельганеева, Г. Г. Татарская книга Казани в первой половине XIX века. / Г. Г. Габдельганеева. – URL: [URL: //C:/Users/User%20PC/Downloads/tatarskaya-kniga-kazani-v-pervoy-polovine-hih-veka. pdf](https://www.researchgate.net/publication/354111117)
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 968. Оп. 1. Д. 43.
5. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1128. Л. 135.
6. Григорьев, Д. Несколько слов о причинах успешного распространения магометанства среди инородцев язычников / Д. Григорьев // Православный благовестник. 1905. № 2. – С. 89–91.
7. Каппелер, А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи / А. Каппелер // Отечественная история. 2003. № 2. – С. 129–135.
8. Каримуллин, А. Г. Книги и люди / А. Г. Каримуллин. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1985. – 304 с.
9. Литвинов, П. П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане / П. П. Литвинов // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 367–387.
10. Машанов, М. А. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам (доклад проф. Казанской духовной академии Миссионерскому съезду 1910 г.) / М. А. Машанов. – Казань: Типо-литография И. С. Перова, 1910. – 132 с.
11. Московские ведомости. 1867. № 101.
12. Муфтахутдинова, Д. Ш. Политика Российского государства по отношению к татарам-мусульманам в Казахстане / Д. Ш. Муфтахутдинова // Отан тарихы. 2016. № 4 (76). – С. 60–73.
13. Муфтахутдинова, Д. Ш. Благотворительная деятельность татарских предпринимателей в Степном крае (конец XIX – начало XX века) / Д. Ш. Муфтахутдинова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). – С. 219–234.
14. Муфтахутдинова, Д. Ш. Эволюция конфессиональной политики Российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая пол. XVI – нач. XX в.): монография / Д. Ш. Муфтахутдинова. – Казань: Рос. ислам. ун-т, 2018. – 350 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е изд. – СПб., 1830. Т. XXVIII. Ст. 21817. – С. 1099–1100.
16. Раздыкова, Г. М. История мусульманского образования в Казахстане / Г. М. Раздыкова. – Павлодар, 2010. – 150 с.

17. Ремнев, А. В. Татары в Казахской степи – соратники и соперники Российской империи / А. В. Ремнев // Вестник Евразии. 2006. № 4. – С. 5–31.
18. Рыбаков, С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / С. Г. Рыбаков. – Пг.: Тип. С. Самойлова, 1917. – 7 с.
19. Рыскалиева, Ф. Татарские муллы среди казахов / Ф. Рыскалиева // Хабаршы. 2005. № 1. – С. 50–54.
20. Терентьев, М. А. Россия и Англия в Средней Азии / М. А. Терентьев. – СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1875. – 361 с.
21. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 436. Л. 27–29 об.
22. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4. Л. 30–31 об.

References

1. Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas. *The American Political Science Review*. 1976. Vol. 70, no. 2. Pp. 393–408 (in English)
2. Temporary regulations on governance in the Ural, Turgay, Akmola and Semipalatinsk regions on October 21, 1868. *Materials on the history of the political system of Kazakhstan*. V. I. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh USSR, 1960. Pp. 323–340. (in Russian).
3. Gabdelganeeva G. G. *Tatar book of Kazan in the first half of the 19th century*. URL: //C: / Users / User%20PC/Downloads/tatarskaya-kniga-kazani-v-pervoy-polovine-hih-veka.pdf (in Russian).
4. *State Archives of the Republic of Tatarstan (GART)*. Col. 968. Ser. 1. F. 43. (in Russian).
5. *GART*. Col. 10. Ser. 2. F. 1128. Itm. 135. (in Russian).
6. Grigoriev D. A. A Few Words about the Reasons for the Successful Spread of Islam among the Pagan Foreigners. *Pravoslavny evangelistnik*. 1905, no. 2. Pp. 89–91. (in Russian).
7. Kappeler, A. Two Traditions in Russia's Relations with the Muslim Peoples of the Russian Empire. *Domestic History*. 2003, no. 2. Pp. 129–135. (in Russian).
8. Karimullin A. G. *Books and People*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1985. 304 p. (in Russian).
9. Litvinov P. P. Anti-Tatar policy of tsarism in Central Asia and Kazakhstan. *Materials on the history of the Tatar people*. Kazan, 1995. Pp. 367–387. (in Russian).
10. Mashanov M. A. The current state of the Mohammedan Tatars and their attitude towards other foreigners (report of the professor of the Kazan Theological Academy to the Missionary Congress of 1910). Kazan: Typo-lithography of I. S. Perov, 1910. 132 p. (in Russian).
11. *Moskovskie vedomosti*. 1867, no. 101. (in Russian).
12. Muftakhutdinova D. Sh. Policy of the Russian state towards the Muslim Tatars in Kazakhstan. *Otan tarihi*. 2016, no. 4 (76). Pp. 60–73. (in Russian).
13. Muftakhutdinova D. Sh. Charitable activities of Tatar entrepreneurs in the Steppe region (late 19th – early 20th century). *Bulletin of Orenburg State Pedagogical University. Scientific e-journal*. 2023, no. 2 (46). Pp. 219–234. (in Russian).
14. Muftakhutdinova D. Sh. *Evolution of the confessional policy of the Russian state towards the Muslims of the Volga and Ural regions (second half of the 16th – early 20th centuries): monograph* – Kazan: Russian Islamic University, 2018. 350 p. (in Russian).
15. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. – 2nd ed. St. Petersburg, 1830. Vol. XXVIII. Art. 21817. Pp. 1099–1100. (in Russian).
16. Razdykova G. M. *History of Muslim Education in Kazakhstan*. Pavlodar, 2010. 150 p. (in Russian).

17. Remnev A. V. Tatars in the Kazakh Steppe – Associates and Rivals of the Russian Empire. *Bulletin of Eurasia*. 2006, no. 4. Pp. 5–31. (in Russian).
18. Rybakov S. G. *Structure and Needs of Management of Spiritual Affairs of Muslims in Russia*. Pg.: S. Samoilov print shop, 1917. 7 p. (in Russian).
19. Ryskalieva F. Tatar mullahs among the Kazakhs. *Khabarshy*, 2005, no. 1. Pp. 50–54. (in Russian).
20. Terentyev M. A. *Russia and England in Central Asia*. St. Petersburg: P. P. Merkul'yev print shop, 1875. 361 p. (in Russian).
21. *Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)*. Col. 64. Ser. 1. F. 436. Itm. 27–29 vol. (in Russian).
22. *Central State Administration of the Republic of Kazakhstan*. Col. 64. Ser. 1. F. 4. Itm. 30–31, back side. (in Russian).